

© 2001 г. Г.Ф. БЛАГОВА

ВЛАДИМИР ДАЛЬ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ В ТЮРКОЛОГИИ ЛАЗАРЬ БУДАГОВ

1. Юбилейная дата – 200-летие со дня рождения В.И. Даля – послужила поводом еще раз обратиться к вопросам значения его "Толкового словаря живого великорусского словаря" и влияния его на последующую отечественную лексикографию в целом¹. По известному определению, Словарь В.И. Даля – "явление исключительное и, в некотором роде, единственное" [Бабкин 1955: III]; о "единственности" Словаря см. также [Канкава 1958: 331]. Между тем в российской лексикографии существует еще один законченный словарь, построенный, как и Словарь Даля, на гнездовом способе группировки слов и энциклопедичности вещественного толкования слов, этнографической оснащенности надлежащих словарных статей. Такой словарь создан тюркологом Л.З. Будаговым, которого с полным правом можно назвать последователем В.И. Даля в области лексикографии [Благова 1985; 1986; 1988].

При всех их различиях они в чем-то были схожи. В.И. Даль (1801–1872), составитель первого, доселе непревзойденного четырехтомного Толкового словаря живого великорусского языка [Даль (ниже – Д): I–IV] происходил от смешанного брака: отец – датчанин, мать – немка по отцу, французженка по матери. Армянином был Л.З. Будагов (1812–1878), составитель первого сравнительного словаря тюркских языков, "оставившего глубокий след в истории тюркской лексикографии и не потерявшего и поныне своего научного значения" [Кононов 1989: 54], – двухтомного "Сравнительного словаря турецко-татарских наречий, с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык"² [ЛБ I–II].

Оба – один в большей, другой в меньшей мере – были увлечены Ближним Востоком. Л.З. Будагов родился на пересечении путей из России в Азию – в Астрахани. Языковая полифония южного города его детства определила интерес к восточным языкам; в молодости, после окончания Отделения восточных языков философского факультета Казанского университета, он преподавал азербайджанский и персидский языки в Тифлисе (гимназия и женский институт). С 1844 г. Л.З. Будагов был зачислен преподавателем азербайджанского языка на факультет восточных языков С.-Петербургского университета; адъюнкт с 1849 г., доцент – с 1864 г.; вышел на пенсию 4.IV. 1870 г. [Кононов 1989: 54].

В.И. Даль в своем *sigillum vitae*, записанном Я.К. Гротом, сообщал: "Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитая

¹ Вопросы эти применительно к русской лексикографии подробно рассматривались [Канкава 1958: 328–334].

² Ниже применительно к материалам В.И. Даля и Словаря Л.З. Будагова сохранена та лингвоэтнонимическая терминология XIX в., которую употреблял и Даль, и Будагов, поскольку перевод ее на современную систему может внести ненужные разночтения, осложняющие восприятие текста читателем. Сохранено следующее словоупотребление: "турецко-татарские наречия" вместо "тюркские языки и диалекты", ад. – вм. азербайджанский, дж. – вм. чаг.[атайский], кир. (также киргиз-кайсацкий, кайсак-киргизский, кайсацкий) – вм. казахский; каз. – вместо казанско-татарский; среднеазиатско-турецкий – вм. среднеазиатско-тюркский; остальные наименования получили объяснение в тексте статьи.

народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, по делу глядя..." (цит. по [Грот 1873: 262]). В качестве военного лекаря он принимал участие в войне 1829 г., в Турции и Польше пробыл до 1832 г. В 1833 г., когда он был переведен в Оренбург чиновником особых поручений при военном губернаторе края В.А. Перовском, начался период жизни, для Даля наиболее важный в познании Востока. За восемь лет (1833–1841) молодой, энергичный и целеустремленный Даль, ученый полевого склада – страстный фольклорист, этнограф, лексикограф-собираатель – изъездил Оренбургский край "весь из конца в конец, вдоль и поперек, совершенно изучил быт киргизов и уральских казаков" [Мельников 1903: XLIX]. По роду службы принимая активное участие в деле улучшения жизни башкир и казахов и от души стремясь оказать им посильную помощь, он обучился изъясняться с кочевниками на их родном языке. Владимир Иванович был так увлечен открывшимся ему своеобразием тюрков-степняков ("смесью необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого" – цит. по [Евстратов 1957: 250]), что родившегося в Оренбурге сына-первенца назвал Львом и добавил к этому имени второе: Арслан 'Лев' (см. "сын мой Лев Арслан" (цит. по [Грот 1873: 40]). Д.В. Григорович в своих "Воспоминаниях" пишет с недоумением о «сыне, которого Даль звал почему-то "Ерусланом"» [Григорович 1928: 166].

В.И. Даль, по словам А.И. Герцена, "одаренный выдающимся талантом наблюдения" [Герцен 1952: 219], как литератор и как гражданин стремился ознакомить читателя с мало известными тогда жизнью и бытом населения отдаленного от России края; он пытался при этом осмыслить своеобразный уклад жизни тюрков в историческом аспекте. Именно этим можно объяснить его интерес к сочинению Абу-л-Гази, хана хивинского, "Родословное древо тюрков", которое он – разумеется, с помощью лиц, владевших восточной ученостью, – пытался изучать по арабографичной копии начала XIX в. Занятия эти отразились в его литературных сочинениях; так, в повести "Бикей и Мауляна" имеются упоминания об "историке Абу-ль-Газы, которого можно бы справедливее назвать сказочником", и о его "истории монголов и татар", здесь же приводится цитата из этого труда (в русском переводе [Повести... 3: 350]). В перелагаемой Далем легенде "Шейх Наджмуддин" цитата из Абу-л-Гази приведена на языке тюрки (в квадратных скобках ниже дается более привычная транслитерация арабского словосочетания и персидской лексемы): «Описание осады каждого города оканчивается у Абу-ль-Газы хана словами: килиб алыб, кательгам [катл 'амм] килды, таки калганы ир[йер] брлян сиксан [йексан] килды – то есть "пришел, взял, вырезал и город сравнял с землею"» [Повести... 4: 515].

В связи с тем интересом, который Даль проявлял к "Родословному древу тюрков", нельзя не отметить, что "замечательный манускрипт" [Березин 1850: 22] – рукопись № 584 Азиатского музея Академии наук в Петербурге – поступила туда от В.И. Даля из Оренбурга. В основной части этой арабографичной рукописи помещается "Родословное древо тюрков" Абу-л-Гази хана. В 1846 г. эту рукопись описал Б. Дорн [Dorn 1846: 541 и сл.], в 1850 г. – И.Н. Березин [Березин 1850: 22–46]. А.Н. Самойлович, обратившийся к этой рукописи, отметил, что после названного текста далее в рукописи следуют на четырех листах "сначала приметы на дни мусульманских месяцев, а затем приметы на 12 лет животного цикла... Список относится к началу XIX в., но языковые особенности собрания календарных примет дают основания предполагать, что оригинал сборника примет был написан в Западном Туркестане в XIV–XV вв."; список исследован А.Н. Самойловичем [Самойлович 1927: 156 и сл.]. Ту из разновременных обработок анонимного сочинения о календарных приметах, которая находится в рукописи Даля, А.Н. Самойлович рассматривал "в кругу не использованных еще исследователями ранних произведений среднеазиатско-турецкой литературы исламской эпохи" [Самойлович 1928: 18].

В.И. Даль не забывал о своих фольклорных и этнографических пристрастиях даже во время тяжелейшего зимнего похода на Хиву В.А. Перовского (зима 1839–1840 гг.). Участник похода, стойко переносивший суровые испытания, он впервые услышал на стоянке в Ак-Булаке казахскую народную поэму о Чуре-батыре. Пораженный ее

сходством с русскими богатырскими сказками, Даль решил записать поэму, а по возвращении в Оренбург перевести ее на русский язык [Бессараб 1968: 132].

Литературные произведения Даля высоко оценивались В.Г. Белинским и А.И. Герценом. "Из всех наших писателей, не исключая и Гоголя, он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей..." [Белинский X: 260]³. Такими произведениями, "имеющими все достоинства фактической достоверности" [Белинский VI: 509], являются, например, повесть "Бикей и Мауляна" и даже сказочный рассказ "Майна", рассказы из жизни местного люда Оренбургского края (подробно см. [Фетисов 1950: 80–152]). В повести "Бикей и Мауляна", например, описывая заметное событие в жизни казахского населения Оренбуржья – прибытие торгового каравана из Хивы, Бухары и толпу встречающих, – В.И. Даль зорко высвечивает социальное расслоение степняков: "Но верх безобразия представляют здесь собою жалкие ... *байгуши*, киргизские нищие: степные дикари эти нищают целыми аулами и поколениями и гибнут голодом и стужей без всякой надежды на помощь... Полинейные кайсаки вообще так бедны...". И далее: "... есть богачи, у которых десятки тысяч овец и коней, и голыши, у которых на целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких; на козу эту выючит целое семейство все имущество свое, и питается молоком ее – через день и два, поочередно; это не сказка, а быль" [Повести... 3: 299–300].

Бытоописательные восточные повести Даля изобиливали этнографическими подробностями и соответственно этнографической лексикой, тюркизмами и ориентализмами (см. об этом ниже).

В продолжение предпринятого сопоставления трудов жизни В.И. Даля и Л.З. Будагова необходимо упомянуть и о несопоставимом: разных масштабах их работы, несравнимо разном охвате исследуемого материала. И это вполне объяснимо обстоятельствами жизни того и другого ученого. В.И. Даль, занимавший достаточно высокие посты в чиновничьей иерархии России (вплоть до директора особой канцелярии министра внутренних дел и одновременно чиновника особых поручений по этому же министерству, а впоследствии – управляющего Нижегородской удельной конторой⁴), с одной стороны, и заслуженно большое место в общественных, научных, литературных кругах, с другой (что должно быть помножено еще на его необыкновенные научно-организаторские способности и увлеченность своей идеей), имел уникальные возможности для работы над Словарем. Приведем свидетельство младшего современника Даля – Д.В. Григоровича, автора "Антоня Горемыки": "Пользуясь своим положением, он рассылал циркуляры ко всем должностным лицам внутри России, поручая им собирать и доставлять ему местные черты нравов, песни, поговорки и проч. Он охотно давал мне возможность пользоваться таким материалом у себя на дому; он сажал меня в кабинете, и я по целым часам переписывал все, что казалось мне особенно характерным" [Григорович 1928: 116].

Один из первых таких циркуляров (этнографический) был разослан Имп. Русским географическим обществом (РГО), членом-учредителем которого являлся В.И. Даль, в год его основания – 1840 г.⁵ Организацией собирания лексических материалов для

³ В письме Гоголь о Дале писал так: "... писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразию моих собственных требований; каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни..." (цит. по [Канкава 1958: 339]).

⁴ См. из письма Даля от 24.X.1858 г.: "...брдена и чина мне дать невозможно: их надавали мне и так не в меру. ...А самым важным отличием и неоцененною наградою для меня была бы ограда и охрана удельных крестьян от невыносимого своевольтства полиции и строгое взыскание с них по каждому случаю" (цит. по [Лазаревский 1894: 34–35]).

⁵ Уже из Нижнего Новгорода в письме от 2.VII.1850 г. В.И. Даль писал В.М. Лазаревскому: "Если Вам работа надоела, то пожалуйста пришлите как есть: все-таки труда вашего много и много спасибо. Да нельзя ли хоть в ы п и с а т ь с л о в а , п о с т у п и в ш и е

Далева словаря занимались и редакции журналов "Отечественные записки", "Москвитин", "Московские ведомости", Общество любителей российской словесности; о методах собирания материала подробно см. [Канкава 1958: 54–69].

У Даля было много помощников, знающих и преданных делу. Один из них – В.М. Лазаревский – так писал о служебной обстановке в особенной канцелярии министра внутренних дел: "В канцелярию собирались в 9 часов, расходились в 3 часа. Эти служебные часы Даль посвящал обыкновенно своим филологическим занятиям. Дома он больше стриг и низал словарный материал. В мое время он получал большие посылки местных слов, образчиков местного говора и т.п. по циркулярам разных управлений, преимущественно от директоров гимназий. Все это описывалось в канцелярии в азбучном порядке, на лентах, ленты нанизывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по говорам. Были полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т.п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду" [Лазаревский 1894: 13]. И далее: «Но самый воздух в канцелярии до того был пресыщен русской филологией, что я скоро серьезно втянулся в это дело... С отъездом Даля в Нижний (в июне 1849) работа моя не прекращалась. От 22 августа пишет он между прочим: "Спасибо, В.М., за вести ваши, за *работу*, справку и пр. Прощайте, спасибо за прошедшее и будущее" (речь шла о занятиях по словарю)» [Там же: 13–14].

У В.И. Даля была, к тому же, ясная и твердая установка: "Он ограничил изыскания свои настоящим, устремив все силы и средства на собрание и свод того, что ныне составляет весь житейский *быт русского народа*" [ОЗ: 46]. Вместе с тем в Далевом словаре представлена также "лексика литературно-книжного языка (частично и словесный фонд памятников старинной литературы)" [Канкава 1958: 346].

Неотступно и систематически собирал Даль русскую лексику на протяжении всей своей сознательной жизни с убеждением, что мы русского языка не знаем: "При недостатке книжной учености и познаний, самая жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком... С 1819 года... я не пропустил дня, чтобы не записать вещь, слово, оборот на пополнение своих запасов" (цит. по [Грот 1873: 42]).

Про результаты своего полувекового самоотверженного труда В.И. Даль сказал: "Это не *словарь*, а *запасы для словаря*; скиньте мне 30 лет с костей, дайте 10 лет досугу, и велите добрым людям пристать с добрым советом – мы бы все переделали, и тогда бы вышел словарь" (цит. по [Грот 1873: 45])⁶. Словарь свой Даль составлял уже по выходе на пенсию (октябрь 1859 г.), а в письме к В.М. Лазаревскому [1857 г.] сообщал о состоянии своего здоровья: "Не могу ехать (в Петербург), слаб и хил, обручи едва держатся, а сползут, так клёпки рассыпятся" [Лазаревский 1894: 25].

Двухтомный "Сравнительный словарь турецко-татарских наречий" – это труд жизни скромного доцента факультета восточных языков С.-Петербургского университета и драгомана V класса при Азиатском департаменте Л.З. Будагова, который мог рассчитывать только на собственные силы и знания. К тому же составитель этого Словаря стремился решить "двойственную задачу": "внимание мое и не могло быть обращено на исключительную разработку предмета с ученой стороны, так как в программу его входило удовлетворение, по возможности, современной и настоящей потребности. а именно – соединение в один стройный ряд материала научного с практическим, для доставления студентам Восточного факультета и лицам, изучающим азиатские наречия, такого руководства, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с

после меня в Географическое общество?" [Лазаревский 1894: 14; разрядка наша. – Г.Б.]. В письме речь идет об ответах информантов на циркуляр Имп. РГО.

⁶ И.И. Срезневский в письме к М.П. Погодину писал: "В свободные минуты рассматриваю словарь Даля. Кое-что не так, как бы хотелось видеть, но зато сколько и прекрасного. Особенно дороги народные выражения и синонимы. Авось либо хоть в этот словарь станут заглядывать наши писатели" (цит. по [Канкава 1958: 328]).

мусульманами" [ЛБ I, "От автора": VI]. Предназначенность Словаря в качестве пособия "при чтении литературных произведений" (а подразумевались, в первую очередь, сочинения Навои, Бабура, Абу-л-Гази, т.е. XV–XVII вв.) определяла весомое количество элементов исторического словаря в нем (см. [Благова 1988]). Это направление работы Л.З. Будагова осуществлялось при учете выработанной несколькими поколениями восточных лексикографов "единой лексикографической традиции в словарях чагатайского языка" [Боровков 1960: 160].

Как писал Н.К. Дмитриев о Будагове в подготовительных материалах к соответствующей лекции курса "Введение в тюркологию" (он читал его в тюркских группах Восточного отделения филологического факультета МГУ): «... в распоряжении автора не было ни Радлова (кроме 1 тома "Образцов"), ни *orthopica, uiquica*, "*C(odex) C(umanicus)*", ни работ Мелиор(анского), Катанова, Смирнова, Ашмарина, Пекарского, Корша, ни поздних работ Вамбери (его *Etym.(ologisches) Wb. (Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878)*), ни словарей и грамматик по отд(ельным тюркским) языкам. И тем не менее» [Дмитриев: 2; последняя фраза осталась незаконченной]⁷. В том, что Н.К. Дмитриев высоко оценивал Словарь Будагова, сомнений не возникает, и дополнительных комментариев здесь не требуется.

Характерно, что сам Л.З. Будагов (как и В.И. Даль) предельно скромно оценивает свой Словарь "как первый и слабый свой опыт, который мог бы послужить для других основанием или, пожалуй, материалом, для более обширного и более ученого труда" [ЛБ I, "От автора": VI].

II. В специальной статье 1941 г. "Толковые словари русского языка" В.В. Виноградов уделил много внимания анализу Далева словаря (так называл его сам автор). Характеризуя объем и состав Далева словаря, ученый неоднократно подчеркивал: "... Толковый словарь Даля является своеобразной сокровищницей народного языка. Он отражает с небывалой полнотой народное речевое творчество" [Виноградов 1941: 379]. Положив в основу своего Словаря народный язык, Даль «не закрывал доступа и словам книжно-письменного языка и даже "чужесловам"... Вводились также слова церковнославянские и устарелые, но количество их ограничивалось оглядкой на употребительность в живом языке» [Бабкин 1955: VII]. Всего по подсчету Даля в его Словаре оказалось 200 тысяч слов.

По словам А.М. Бабкина, «Реформатор-одиночка, мировоззрение которого было весьма близко к славянофилам, В.И. Даль не мог найти правильного решения вопроса об иностранных словах в русском языке, а его практическая пуристская деятельность шла вразрез с прогрессивным течением общественной мысли. Современная Далю критика упрекала его в том, что он впадает в крайность, борясь с "чужесловами"...» [Бабкин 1955: VI]. Отмечая сложное, неоднозначное отношение В.И. Даля к "чужесловам", А.М. Бабкин вместе с тем явно положительно оценивает то, что, например, "... при словах *мачта*, *парус* даются не только названия различных видов мачт и парусов, но объясняется и их назначение. Рядом с названиями, заимствованными из голландского и английского языков (флотские названия), даются и названия, возникшие и употреблявшиеся на Каспийском и Белом морях и на больших русских

⁷ Названные материалы Н.К. Дмитриева представляют собой автограф, без даты, в качестве заголовка приведены точные библиографические сведения о Словаре Будагова. Автограф выполнен карандашом на четырех полноформатных листах, три из которых заполнены с обеих сторон, а четвертый – только с одной стороны. Соответственно пагинация – 1–7, номера страниц написаны красным карандашом. Красным же карандашом подчеркнуты наиболее важные тезисы текста. Материалы Н.К. Дмитриева, любезно предоставлены нам Л.С. Левитской, в личном архиве которой они хранятся (в свое время архивариус Архива АН при описи архивного наследия ученого посчитала излишним брать на учет и хранение разрозненные рукописные листы, выписки, тетради; эти материалы в буквальном смысле слова были спасены Л.С. Левитской). Здесь и ниже ссылки на автограф Н.К. Дмитриева документируются фамилией автора и соответствующей страницей его текста.

реках" [Там же: VIII], а также, добавим мы, часто приводятся случаи приспособления этих заимствований к русскому профессиональному языку (см. [Д I: 89, 341, 342]).

Таковыми же подробными объяснениями снабжены и другие многочисленные мореходные термины-заимствования, которыми изобилует Дальев словарь. См. названия разновидностей кораблей: *бриг*, *бригантина* [Д I: 128]; *галёра*, *галиота* стар., *галиот*, *галейс*, *галъяс*, *галион* [Д I: 341–342]; *клипер* [Д II: 119], *корвет* [Д II: 161], *фрегат* [Д IV: 539]; снасти корабля: *шпангоут* [Д IV: 539], *бушприт*, *бугшприт* [Д I: 147], *рей*, реже *рея* [Д IV: 90], *кливер*, *форстаксель* [Д II: 118], *бейфут* [Д I: 80], *галс* и даже *галсклямна* "скважина в борте, где проходит снасть, натягивающая нижний наветренный угол нижних и косых парусов" [Д I: 342]; другие термины, касающиеся мореходства: *бейдевинд* "курс, ход судна сколь можно ближе к ветру" [Д I: 80], *галвинд* [Д I: 343], *бридель* [Д I: 128], *галфтимберс* [Д I: 343], *верфь* [Д I: 183], *рейд* [Д IV: 90]. Без этих и многих других энциклопедических статей мичмана В. Даля трудночитаемы сочинения, например, Станюковича.

По свидетельствам современников, где бы не поселялся Даль, первым делом он устанавливал свои верстаки – столярный, слесарный, токарный, работать на которых он любил, отдыхая от своих филологических и служебных занятий. В статье *верста* находим объяснения, что представляет собою *верстак* столярный, гранильный, гончарный, золотопромывный и проч. [Д I: 182]. См. заимствования из немецкого: *галтель* (< *Hohlkehle*), *голтель*, *голтль* "рубанки или струг, у которого железко и самая колодка выпуклы: пртвопл. *штаб*" [Д I: 342]; *герт* горн. 'верстак; стан, станок для промывки руд' [Д I: 349]; *шерхебель*, *шершебель* 'струг, с округлым лезом, для первой, грубой стружки' [Д IV: 630]; *форштих*, *фóрщик* сапожн. 'наколюшка, шило или гребенка, для наковки подметки под деревянные гвозди' [Д IV: 538].

С таким же знанием дела врач В.И. Даль приводит в своем словаре во всех подробностях медицинскую терминологию, тоже главным образом западноевропейского происхождения. См. например; *главком* врчбн. 'неисцелимая слепота, близкая к темной воде: лазоревый-туск, зеленая-вода' [Д I: 352], *катаракт* "слепота от потускнения глазного хрусталика или *катаракта*. Туск – помрачение прозрачной роговой оболочки: *темная-вода* паралич глазного нерва; *катаракта* затмение хрусталика внутри глаза, в зрачке" [Д II: 96]; *скарлатина* 'сыпная болезнь краснуха (если различать краснуху и краснуху *tubeolae*)' [Д IV: 198, 199].

Много в Дальевом словаре и статей, где заглавное слово – "чужеслов", так или иначе. связанный с военным делом. Например, в большой статье *генерал* [Д I: 348] приводится перечень военных чинов разных классов, от 2 до 4-го; в статье *пушка* [Д III: 545] сообщается о разновидностях пушки, их названиях, характерных особенностях. это *каронады*, *фальконет*, *мортира*. "Военная косточка" Даля ощущается и в том. как он описывает не известное россиянам явление *баранта* у азиатских кочевых народов, высвечивая в этом военном действии самое существенное и самобытное [Д I: 47]. см. об этом ниже (раздел IV статьи).

Из приводимого ниже материала видно, насколько щедро В.И. Даль вовлекает в словарь восточные "чужесловы": вполне сознавая их специфичность, он вовсе не пытается их "вывести из употребления своеобразным приемом (подбирая им замены и иногда создавая для этой цели новые слова)" [Бабкин 1955: VI], а напротив даже использует их. чтобы особо подчеркнуть специфичность обозначаемой реалии (см.: "турецкий барабан. тулумбас" [Д II: 443]).

Построение С л о в а р я определялось тем, что Даль, будучи противником азбучного порядка размещения слов, "останавливается на принципе объединения родственных слов по морфологическим, словопроизводственным гнездам. ...Ведь этот способ расположения слов ... опирается на живые морфологические и семантические связи между родственными словами. Это собрание слов по гнездам и семьям чаще

всего основано на сознании единства их происхождения и родства значения" [Виноградов 1941: 378].

Что же касается приемов толкования слов, то Даль предпочитал разъяснять слова подбором множества синонимов⁸ [по оценке И.И. Срезневского, в Далевом словаре "особенно дороги народные выражения и с и н о н и м ы" (разр. наша. — Г.Б.)], семантически однородных или близких выражений, взятых из литературной речи, из устного городского языка и из областных крестьянских говоров; "отсутствие точности в определениях значений, семантическая расплывчатость характеристик слов, по мысли Даля, в значительной степени ослабляются гнездовым расположением родственных слов" [Виноградов 1941: 378]. Вещественное толкование слов в сочетании с "огромным этнографическим материалом, относящимся к разным сторонам хозяйственной и духовной, культурной жизни русского горожанина из демократических слоев, крестьянина и ремесленника" [Там же: 380]⁹, обусловило энциклопедичность Далева словаря.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств (а именно: Будагов уже работал над составлением своего Словаря, когда в период с 1863 по 1866 г. выходили в свет тома Далева словаря) тюрколог имел возможность оценить и принцип составления "Толкового словаря живого великорусского словаря", и приемы размещения слов, и оснащенность словарных статей большим количеством иллюстративных примеров, чаще всего пословицами, поговорками, богатой, разнообразной фразеологией, огромным этнографическим материалом.

Вместе с тем нельзя не принять во внимание, что в Словаре тюрколога нет ссылок на Далев словарь. Возможно объяснить это тем, что Л.З. Будагов вполне осознавал и непохожесть своего Словаря на Далев. В предисловии "От автора" он подчеркивал особо, что не имел намерения "выдать труд свой за толковник всех наречий тюркского

⁸ Это предпочтение Даля не возводимо в правило. У врача С.Ф. Данько, ознакомившейся со словарной статьей *сердце* [Д IV: 174], например, возник вопрос: "Кто же он такой — Даль? В медицинской литературе определению сердца отводится по несколько страниц, а он исчерпывающе точно и ярко сформулировал это определение в 19 строках столбца, не страницы!". См. также *слуховой барабан* (анат. [Д I: 46]).

⁹ В.В. Виноградов в цитируемой статье неоднократно акцентирует внимание читателя на том, что Далев словарь является "первым словарным описанием живого разговорного русского языка в многообразии его социальных диалектов" [Виноградов 1941: 380–381]⁷, что эта своеобразная сокровищница народного языка "отражает с небывалой полнотой народное речевое творчество" [Там же: 379]. В этих высказываниях лингвиста содержится глухое несогласие с «четким и ясным указанием В.И. Ленина в отношении Толкового словаря Даля, который хотя и называл его "великолепным" и "знаменитым", но все же "областническим" [В.И. Ленин. Письмо А.В. Луначарскому от 18.I. 1920 // Соч. т. 35, изд. 3, с. 369]» [Канкава 1958: 42]. Прямой ответ В.В. Виноградова на это "указание" — "К р о м е о б л а с т н о й л е к с и к и, в словаре так же широко представлена терминология и фразеология разных ремесел, цехов и профессий" [Виноградов 1941: 376; разрядка наша. — Г.Б.]. Справедливости ради заметим, что говоря про "областнический" характер Словаря в частном письме, В.И. Ленин, разумеется, не мог предположить, что эти его слова будут возведены в "четкое и ясное указание". Но в 1941 г. нужно было обладать гражданским мужеством, чтобы "сметь свое суждение иметь" даже и в отношении такого "указания".

* Пристрастия будущего лексикографа проявились уже в период обучения его в петербургском Морском кадетском корпусе (1814–1819), когда он составил свой первый словарь — "34 слова кадетского жаргона" [Бессараб 1968: 37]. Беловой автограф словаря воровского арго под названием "Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка" опубликован А.Л. Топорковым [Даль 1990]; кстати, среди слов арго имеется бесспорный тюркизм: *яманный* "негодный, нехороший" [Там же: 135]. В сохранившихся среди бумаг В.М. Лазаревского письмах Даля неоднократно поднимался вопрос о судьбе словаря офенского языка, а в заключение этой темы приводится следующее: «В формулярном списке Даля значится по предмету этого словаря "Предписанием от 2 сентября 1855 г. № 2177, объявлена искренняя признательность г. министра уделов за составление словаря Офенского языка"» [Лазаревский 1894: 14].

корня" — "на него потребовались бы совокупные и многолетние усилия нескольких ориенталистов" [ЛБ I: V].

Ниже рассмотрим основные структурные параметры Словаря Будагова, что позволяет при всей непохожести этих двух словарей увидеть их весьма существенные общие черты.

Объем и состав Словаря Будагова определяется, прежде всего, тем что он построен на сравнении лексического материала тех двух классификационных групп тюркских языков, на которые эти последние в ту пору членились еще чисто интуитивно, а именно групп "турецкой" (по современной терминологии — огузской, или юго-западной) и "татарской" (кыпчакской, или восточной). В Словаре широкое отражение нашла общетюркская и межатюркская лексика. Именно эта часть лексики представлена здесь наиболее обширными словарными статьями. Например: *baş*¹⁰ 'голова' [ЛБ I: 225–228]; *ajaq* 'нога' [ЛБ I: 174–175]; *ajtmaq* 'сказать, говорить' [ЛБ I: 178–179]. Диалектную и разговорную лексику Будагов приводил достаточно широко, чаще в качестве вариантов к заглавному слову словарной статьи с пометами "провинц." или "простон.". Например: "тур. *bisrāk* (провинц.) одногорбый верблюд" [ЛБ I: 258]; "тур. *böbrek*, *böğrek* (простон. *böwrek*) почка" [ЛБ I: 272], "тат. *mant* пчельник (у приволжских татар селения Тархан; у других татар это слово неизвестно)" [ЛБ I: 673]. В отдельных случаях приведены также слова и выражения из специфического "женского языка" тюрков. Примеры: "кир. *köbögen* детки, ребятушки (старушечье слово)" [ЛБ II: 142]; *maṭṭa čirik* "бранное выражение кумыкских женщин" [ЛБ II: 198]; табуированная лексика — [ЛБ I: 470]. Естественно, непохожесть двух словарей обуславливается еще и специфичностью лексики как русского, так и тюркских языков (о своеобразии русского и тюркских способов народного выражения понятий времени и пространства см. ниже, V).

Объем и состав Словаря Будагова в известной мере определены, кроме того, еще и двойственностью задачи, поставленной его составителем (создать словарь научный, являющийся одновременно и практическим пособием для студентов восточного факультета при чтении литературных произведений). Сюда включены и некоторые слова и выражения, встречающиеся преимущественно в литературных памятниках, например: дж. *tildin kelgan* "высказываемое языком, все что можно и

сколько можно сказать" [ЛБ I: 372]; дж. نلغان "род платья" (с цитатой из Аб.Г. стр. 124 [ЛБ I: 374]); *tolṭama* "нападение во фланг или тыл неприятеля" [ЛБ I: 751]. Многие литературные ссылки и цитаты в Словаре Будагова перечислил Н.К. Дмитриев постранично [Дмитриев: 5]. К этому необходимо добавить, что иллюстративные примеры Будагов часто черпал также из фольклора; как и В.И. Даль, он особенно широко привлекал пословицы и поговорки.

Что касается цифрового выражения объема этого Словаря, то даже точный подсчет количества словарных статей, размещенных на 1225 страницах обоих томов Словаря, не поможет составить хотя бы приблизительного представления о том, сколько же слов и фразеологизмов получило здесь свое толкование. И это связано с принципом построения Словаря Будагова. Составитель не стал искать собственного оригинального способа расположения слов при упорядочении собранного им огромного лексического материала. Создавая свой словарь, он, естественно, испытывал сильнейшее воздействие Далева словаря — "беспримерного в истории русской лексикографии плода героического труда великого этнографа" [Виноградов 1941: 376]. Не удивительно поэтому, что вслед за В.И. Далем при упорядочении собранных материалов Л.З. Будагов «выбрал для себя путь средний: слова

¹⁰ Здесь и ниже из соображений сложности при наборе арабского шрифта, с одной стороны, а с другой — необходимости обеспечить читабельность примеров из Словаря Будагова не только для тюркологов, примеры эти приводятся в латинской транслитерации.

того же корня... в его словаре группируются в гнезда, а во главе такой группы "одногнездков" выставляется глагол или имя» [Бабкин 1955: VIII].

В.И. Даль исключал из таких групп "одногнездков" приставочные глаголы, вынося их в заглавные слова самостоятельных словарных статей. В его словаре находим указания на словопроизводство, примеры с показанием условных оборотов речи, но в целом он отказался от тех грамматических указаний, которыми сопровождалось объяснение слов в академических словарях [Виноградов 1941: 377, 378].

Л.З. Будагов иногда проявляет непоследовательность в отношении аффигированных глаголов. Чаще он включает в группы "одногнездков", например, наряду с именем еще и производные от него глаголы (кстати, нередко так же поступает и В.И. Даль, например, в статье *сердце* приводятся семантически далекие *сердить*, *серчать* – [Д I: 175]). Так, в огромной статье *at* 'конь, лошадь, кир. мерин' [ЛБ I: 56–58] (здесь же – наименования мастей и пород лошадей), богатой фразеологией и так называемыми составными наименованиями, вроде *at balyu* 'типпопотам, морской конь', находим также глаголы *atlan-* 'сесть верхом, выступать в поход', *atlandyr-* 'посадить верхом; заставить напасть', *atqula-* 'напасть верхом, сделать нападение' и т.п. Точно так же в статье с заглавным словом *teg-, deγ-* 'достигать', 'трогать, коснуться' приводится большое число глаголов, производных от этого основного глагола [ЛБ I: 419–420]. В другом же случае наряду со статьей *baš* 'голова', например, отдельной словарной статьей вычленен глагол *bašqarmaq* 'управлять', далеко отошедший по своей семантике от корневого имени [ЛБ I: 228].

Вместе с тем Л. Будагова заботила не только словообразовательная, но и шире – грамматическая характеристика тюркских языков в целом. Именно этим можно объяснить обилие грамматических сведений в его Словаре. Отдельными словарными статьями (или же в составе других статей) Л. Будагов приводит целый ряд словообразовательных аффиксов и их алломорфов, например, аффиксы именного словообразования *-žaq/-čaq...* [ЛБ I: 458], *-žyk/-čik...* [ЛБ I: 478], *čan ~ -čan, -čil* [ЛБ I: 465], аффиксы глаголообразования *-sin...* [ЛБ I: 657–658], *-la, laš* [ЛБ II: 182]. В Словаре описано образование залогов глагола [ЛБ II: 183, 275 и сл.], имен действия и глагольных имен [ЛБ I: 659; II: 194, 245, 269, 300], причастий на *-žaq/-žek* [ЛБ I: 427] и на *-myš/-miš* [ЛБ II: 233] и многое другое. Все это позволило Н.К. Дмитриеву говорить о наличии в Словаре Будагова "грамматических экскурсов, как материала для буд.[ущей] сравн.[ительной] гр.[амматики]" [Дмитриев: 4].

Л.З. Будагов, помимо перевода собранных им слов, вслед за В.И. Далем широко вводил элементы их толкования, с использованием синонимов. Иногда подсобный характер приводимых синонимов подчеркнут скобками (в скобках указывается также огласовка слова); см. "тур. *نفس* (*bi*) скучать, получить отвраще-

ние (синон. *بزمک*, но сильнее, чем *اوشتمک "اوصانمق"*)" [ЛБ I: 262].

При толковании слов Л. Будагов последовательно придерживался методики, именуемой "Wort und Sache", т.е. давал толкование слов, объясняя и описывая обозначаемый им предмет или понятие. Благодаря этому Словарь превратился в своего рода энциклопедию старого быта тюркских народов, их общественно-политической и культурной жизни. Н.К. Дмитриев так писал об этом: «Исторические, бытовые и культурные реалии. Русская "Энциклопедия ислама". Терминология разного рода. Топонимия» [Дмитриев: 4]. Сведения по народной медицине см. [ЛБ I: 373], по народной астрономии – [ЛБ II: 363]; о народных поверьях и приметах – [ЛБ I: 275; II: 202].

Н.К. Дмитриев отметил особо: "Фразеология (и семантика) богаты" [Дмитриев: 3]. Фразеологический материал в изобилии приводится при таких опорных словах, как, например, *aj* 'луна, месяц', *baš* 'голова', *at* 'имя', 'слава', *ata* 'отец' и множество других; как правило, соответствующие словарные статьи очень велики по объему. Фразеологизмами оснащена даже и небольшая словарная статья "тат. *ajaz*, дж. *ajas*"

1) ведряный, ясный (погода): *ajazda jat*- спать под открытым небом; 2) хив., кир. мороз, ясная погода зимою: *ajas uryan*, хив. *ajas ötkan* он простудился" [ЛБ I: 173–174]. Вслед за Далем Будагов вводит в свой Словарь множество тюркских народных пословиц в качестве иллюстративного материала.

Таким образом, многое унаследовав из опыта Даля в отношении объема, построения словаря, способов разъяснения в нем слов, Л.З. Будагов фактически з а л о ж и л в т ю р к с к о й л е к с и к о г р а ф и и н о в у ю т р а д и ц и ю – объединение принципов толкового словаря и переводного двуязычного словаря; пример этому – его собственный словарь.

III. Замечательно, что традиция эта жива в тюркской лексикографии до наших дней: она воплотилась в богатейшем "Киргизско-русском словаре" [Юдахин 1965]. Составленный "лучшим лексикографом в области национально-русских словарей" [Реформатский 1984: 58] – крупным исследователем киргизского языка К.К. Юдахиным (1890–1975), словарь этот представляет киргизскую лексику во всем ее многообразии, включая историко-этнографические термины, а также устаревшие слова, без чего затруднено понимание фольклорных произведений, этой народной киргизской литературы прошлых столетий.

Поскольку в начале второй половины XX в. киргизская письменная литература еще не была "настолько велика количественно, чтобы она могла представить сколько-нибудь полно лексику киргизского языка" [Юдахин 1965: 7], составитель широко использовал фольклорную, разговорную и диалектную лексику. Огромный массив слов дается в словарных статьях со многими членениями, с большим количеством иллюстративных примеров, богатой идиоматикой. Юдахиным продолжена традиция Даля – Будагова широко использовать народные пословицы в качестве иллюстративного материала (А.А. Реформатский даже называл его словарь "памятником фольклора" [Реформатский 1982: 57]). Благодаря этому четвертое десятилетие словарь Юдахина служит ценным пособием для специалистов по киргизской литературе и фольклору, для тюркологов-языковедов, историков, этнографов.

Разумеется, для современного составителя переводного словаря неприемлемым является способ группировки слов по гнездам. И естественно, что, например, имя *at* 'конь' и производный от него глагол *attan*- 'садиться верхом на коня', 'выступать в поход', 'принять решение', объединяемые в одной словарной статье Будаговым, в словаре К.К. Юдахина являются заглавными словами двух отдельных статей. Из них особенно объемиста первая: помимо сложносоставных имен разных типов (*at bayar* 'конюх', *küç at* 'рабочая лошадь') и пословиц с опорным словом *at* 'конь', здесь, как и в Словаре Будагова, содержится большое количество составных глаголов (типа *at qoj*-1) пустить лошадь карьером, поскакать на лошади, 2) *перен.* наступать, нападать); см. также историческое юридическое выражение *at-čapan ajur* или *at-ton ajur* "штраф, состоящий из лошади и халата или шубы". Среди собранного в этой статье богатого фразеологического материала отметим народные обозначения созвездий *Aq boz at*, *Kök boz at* 'Кастор и Поллукс'.

Благодаря энциклопедичности словаря К.К. Юдахина в нем отражается своеобразная культура народа (в недавнем прошлом – кочевого скотоводческого) – создателя киргизского языка и уникального киргизского эпоса "Манас".

IV. Внимание отечественных востоковедов всегда привлекали ориентализмы, тюркизмы в русском языке как свидетельства "турско-русских" или "татарско-русских" отношений (А.Н. Самойлович). В.И. Далю с его пытливым взглядом на язык и живые языковые контакты, зачастую происходившие на его глазах, удалось собрать в его Словаре небывало большое количество ориентализмов, особенно тюркизмов. Осуществить это удалось благодаря тому, что обследованию были охвачены диалекты и живая русская народная речь, в том числе Поволжье и Астраханская губерния, Приуралье и Оренбуржье и др., где контакты русского населения с тюркским были особенно интенсивны. Однако тема тюркизмов в Далеовом словаре только начата

разработкой (см. [Кубанова 1967; 1968]): для исследования были отобраны тюркизмы из "1) терминологии производственной и хозяйственно-бытовой; 2) лексики, относящейся к природе" [Кубанова 1968: 12].

При изучении тюркизмов у В.И. Даля необходимо иметь в виду, что его бытоописательные восточные повести и рассказы изобилуют этнографическими подробностями, а соответственно и этнографической лексикой (этнографизмами). Слова тюркские и заимствования из арабского, персидского языков, проникавшие через посредство соседствующих тюркских языков, широко вводятся в текст, получая объяснение иногда там же [как, например, *байгуш* в приведенном выше (см. раздел I) отрывке из "Бикей и Мауляна"] или же в постраничных примечаниях (см., например "*крут* – соленый, высушенный овечий сыр, обыкновенная и любимая их пища" [Повести... 3: 397]).

Интересно, что те же слова достаточно часто можно найти в Далевом словаре, регистрирующем тюркизмы как в общенародном русском языке, так и в его диалектах, говорах – с уточнениями фонетических и семантических изменений слова. См., например: "*байгуш* м. орнб. нищий из кочевых инородцев, обнищавший киргиз. || Астрх. отдаленный хуторок, зáймка" [Д I: 38]¹¹; "*крут* м. иногда *курт*, у башкир, калмыков, киргизов, ногайцев и казаков: круто соленый, сухой сыр, б.ч. овечий, в стопочках; его скребут в похлебки. *Крутовый*, ко круту относящийся, из него приготовленный" [Д II: 204]¹². Тюркизмы имеют разные пометы: иногда это территориальная помета (см. выше: орнб.); может приводиться и целый перечень народов, у которых обозначаемая реалья распространена (см. выше); в ряде случаев – указание на ориентализм (вост.), а зачастую и отсутствие пометы (ее заменяют пометы, указывающие на территориальное распространение тюркизма в русских говорах). См. также: "*бешибармак*, *бишибармак* у башкиров и киргизов, перев. пятипалое (блюдо), вареное и крошеное мясо, обыкновенно баранина, с прибавкою к навару муки, круп; едят горстью. О дурно приготовленном кушанье говорят (орнб.): *это какой-то бишибармак*, крошево" [Д I: 65]; "*базлук*, *базлык*, *бузлук* вост. род скобы или подковы с шипами, которую рыбаки подвязывают под середину подошвы, для хода по гладкому льду; катальщики под другую ногу подвязывают конек и катаются, упираясь базлуком" [Д I: 38]¹³; "*бакеева* дорога тмб. *батыева*, моисеев или млечный путь" [Д I: 38]¹⁴; *хурды-мурды* астрх., *шарабара* орнб. б́утор, сиб. домашний скарбишка, всячина, пожитки [Д IV: 569]; в Москве и Московской области приходилось слышать *хурда-мурда*, чаще *шурум-бурум*). Случается, что некоторые ориентализмы соответствующих помет не имеют, например [Д IV: 539]: *фундук* 'орешник', '*Corylus tuberosu*'; [Д I: 587]: *чекмень*; [Д IV: 630]: *шерть* 'присяга мусульман на подданство'.

В Далевом словаре можно наблюдать случаи, когда тюркизм (или ориентализм) используется для объяснения другого диалектного слова. Например [Д I: 339] *гáва* нврс. 'карга́, ворона' (тюрк. *karğa* 'ворона'); [Д II: 317]: 'вода, которая из *погонного ларя* – *коуза* – течет на колесо [мельницы] и его движет' [из ар. *haws* (простон. *hawuz*) 'бассейн' и др.], см. также [Д IV: 382].

¹¹ Ср. ЛБ I: 241: "тур *bajquş* сова, кирг. *bajquş* мет. бездомный, бедняк, нищий, пролетарий (на Кавказе тоже употребляется в этом значении), тур. *bajquş aqyllu* трусливый, как сова".

¹² Ср. ЛБ II: 49: "дж. *qurut*, сыр (приготавливаемый из творогу), башк. *qorot* копченый сыр (у киргизов *qut* делается из овечьего и другого молока в небольших сухих кусках; едят его в сухом виде или разводят в воде), *qai a q(u)rut* сухой сыр".

¹³ Ср. [ЛБ I: 279] в статье тур. *buz*, тат. *muz*, тоб. турк. *bus* 'лед' при производном *buzluq* 'ледник' в скобках приводится "отсюда русск. *базлук*, *бузлуки* снаряд для ходьбы по льду", со ссылкой на Григорьева. Имеется в виду азербайджанско-русский словарь, приложенный к хрестоматии "Тюркский язык. Книга для чтения и переводов" / Сост. И.И. Григорьевым и Мирзою Шафи Садык-оглы. Тифлис, 1855 [Кононов 1989: 80].

¹⁴ Ср. [ЛБ II: 81] "кир. *quş žoly* птичья дорога – Млечный путь".

В целом можно согласиться с утверждением: "В.И. Даль давал большое количество верных пометок этимологического характера" [Кубанова 1968: 11]. Это, однако, не освобождает нас от необходимости критически оценивать предлагаемые этимологии ориентализмов, среди которых есть и наивные, народные этимологии. Например [Д I: 39]: "*Бакалея, бакалия, бакалейный товар, сухие плоды, изюм, чернослив, финики, смоква, орехи, варенье, мед, патока и пр.;... Бак-ала турц. Гляди и бери, т.е. всячина есть, товар налицо, бери любое*". На самом деле слово восходит к заимствованию из арабского *бакала* 'бакалейная торговля', см. также *бакл* 'злаки; травы; зелень, овощи', *баккал* 'бакалейщик; торговец зеленью, овощами' [Баранов 1957: 98; см. также ЛБ I: 262].

Некоторые из широкого круга тюркизмов и ориентализмов, представленных в Далеком словаре, по своему характеру могут быть рассмотрены как непосредственно записанные самим Далем. Приводится, к примеру, ориентализм – важный историко-этнографический термин: "*баранта* у азиатских пограничных народов, а более у кочевых, самоуправная месть, по междоусобиям: набег, грабеж; отгон скота, разор аулов, захват людей. *Баранта* тем отличается от военных набегов, что нападающие, из опасения кровомести, идут без огнестрельного и даже без острого оружия, а берут ожоги¹⁵, вместо копий, обух и нагайку" [Д I: 47]. Последнее важное своеобразие баранты, сведения о котором набраны у Даля непараллельно, отсутствует даже в подробной статье Словаря Будагова [ЛБ I: 224], не говоря уже о сверхлаконичных статьях *баранта* (дж.) и *барымта* (кир.) у Радлова (РСл. IV, стлб. 1478, 1481). То обстоятельство, что в Словаре Будагова *баранта* еще не отмечено как тюркизм для русского языка, наводит на мысль, что очевидно Далем зарегистрировано совсем свежее заимствование, только начинавшее входить в обиход русских служилых людей – возможно, как раз в период службы В.И. в Оренбуржье, возможно – в период Хивинского похода.

Другой подобный пример находим в повести "Бикей и Мауляна", – там, где герой повести доставляет в Оренбург письмо русских пленников из Хивы. Приводя фрагмент этого письма о "христианах, погибающих в руках неверных *масурман*", В.И. Даль так комментирует это словоупотребление: "Слово, составленное писцом вероятно из *басурман* и *мусульман*" [Повести... 3: 324]. Как видим, и здесь умозаключение Даля сделано не понаслышке. Недаром к годам пребывания его в Оренбуржье (1833–1841) П.И. Мельников (Печерский) относит "главнейшее пополнение запасов его для словаря, и собрание народных сказок, пословиц и песен" [Мельников 1903: XLII] (имеются в виду лично Далем собранные материалы). Характерно, что при толковании русских слов (например, *водоем, водопуск, водораздел*) Даль использовал в числе синонимов также ориентализмы (*хауз*) и тюркизмы (*сырт*), см. [Д I: 220, 221].

Заслуживают особого внимания зафиксированные в Далеком словаре случаи использования ориентализмов как опорных слов в составе русских пословиц, территориально ограниченных в своем распространении, см. [Д II: 14]: *От бани до мазарок*¹⁶ *недалече* (От жизни до смерти); [Д I: 14] *Кто кричит аман, кто атлан* (бестолочь: кто сдавайся, кто на конь); [Д III: 538] поговорки: *Нет ни пула; У Пикүла (Микүла) ни пула* (ориентализм *пул* 'деньги' < перс.; у Даля последнее слово как ориентализм не обозначен [Д III: 538]: *пул, пуло* ср. стар. 'мелкая медная монета'). См. использование тюркских этнонимов в пословицах [ДПРН 1957: 816]: *Татарскому мясоеду нет конца;*

¹⁵ См. [Д II: 580]: *ожёг, ожог, ожиг* древко, закаленное и заостренное на одном конце, замест копыя, пики, напр., у *киргизов*.

¹⁶ См. [Д II: 288]: *мазарки* вост. кладбище, татарское и инородческое кладбище. Ср. [ЛБ II: 226]: "ар. *мэзар*... могила, гробница усопших, святых (в русск. перешло *мазарки*)...". Этот же ориентализм используется Далем для объяснения другого заимствования: [Д IV 382]: *сюва, сювы, каз., чувш. 'кладбище инородцев', 'мазарки'*.

[Д III: 553]: *Татарское* воскресенье (пятница); [ДПРН 1957: 272]: Что *ногайская* лошадь у колоды (у колодца): сама своего навоза (дерма) боится. Одна из территориальных пословиц, приведенных в Словаре, – [Д IV: 118]: *Рысь пестра снаружи, а человек внутри* – на наш взгляд, являясь калькой с тюркской пословицы [ЛБ I: 181]:

ادم الاسى ايچيندا حيوان الاسى تيشيندا "Пестрота (т.е. двуличие, коварство) человека внутри него, пестрота животного снаружи (на меху; послов.)."

При специальном, фундированном изучении тюркизмов в Далевом словаре, возможно, в паремиологии удастся наблюдать шире взаимопроникновения, подобные перечисленным выше, а это позволит судить о глубинах тесного взаимодействия русских и тюрков в области народного языкового творчества, народной речевой культуры.

Немалое внимание взаимодействию русского и тюркских языков уделял и Л.З. Будагов. Он выискивает диалектизмы, восходящие к ориентализмам, причем в числе таковых оказываются и претерпевшие переосмысление. Например, "слово *аман* во Влад.[имирской] и Костр.[омской] губер.[ниях] употребляется в значении скряги" [ЛБ I: 91]; Даль же локализует это слово в обычном значении 'пощада', 'помилование' областями, пограничными с Турцией, с Азией [Д I: 14]. О другом диалектизме, возможно, восточного происхождения – *ажлибать* – в этих двух словарях см. ниже. Словарь Будагова дает представление о русизмах, проникших в различные тюркские языки и особенно в язык казанских татар (в ЛБ принято сокращение "каз.") преимущественно устным путем¹⁷, как это можно видеть, во-первых, из принадлежности приводимых ниже слов к разряду бытовой лексики, а во-вторых – из характера адаптации заимствуемых слов; каждое из приводимых ниже слов снабжено пометой "русское (слово)". См., например: каз. *čerkaw* 'церковь' [ЛБ I: 474]; каз. *apara* 'раствор теста, опара, закваска' [ЛБ I: 6]; каз. *ulawka* (из русск. *лавка*) 'пблок в банях' [ЛБ I: 79]; каз. *haraza* и *borozna* 'борозда' [ЛБ I: 221 и 274]; каз. *borana*, *harana* 'бревно' [ЛБ I: 274]; башк., каз. *par*, *bar* 'пара' [ЛБ I: 308]; тат. *lafka* (с русск.), алт. *лакна* 'лавка, лавочка (торговая)' [ЛБ II: 186]; каз. *talinka* (русс.) 'тарелка', тат. *hidra* 'ведро' [ЛБ I: 300], *moskow* (русс.) 'Москва, Россия', *moskowlu* 'москвич, русский' [ЛБ II: 231].

Иногда семантическая специфичность таких русизмов становится понятной при учете сведений, которые сообщаются для соответствующего диалектного русского слова в Словаре Даля. Так, приводя синоним к "тоб. баш. *buγul* скирд (называемый также русским словом *кладь*)" [ЛБ I: 261], Будагов, видимо, имел в виду русск. диал. "*кладь* стог [сена], скирд, скирда, особ. хлебная" [Д II: 114]. Для "каз. *praska* (русс.) пряжка, станция (пространство от одной станции до другой)" [ЛБ I: 313] названное значение также можно найти в русских диалектах: "*пряжка* ...упряжка, переезд на одних лошадях не кормя" [Д III: 531]. В "тат. *pirikāznaj* (русское) кляузник, ябедник" [ЛБ I: 316] это значение возникло из русских бранных выражений "*приказный крючок, приказная строка* бранн. взяточник" [Д III: 415].

Энциклопедичность Словаря Л. Будагова в охвате лексического материала очевидна также и из того, что при многих тюркских (или арабских, персидских) заглавных словах отмечается факт их заимствования в русский язык и приводятся соответствующие тюркизмы (или ориентализмы) вместе с соображениями по их этимологизации. Среди них есть и общерусские заимствования (например, *барабан* – [ЛБ I: 236], *перец* –

¹⁷ По этому пути пошел также В.В. Радлов, см. фиксации русизмов в его "Опыте словаря тюркских наречий" в т. III: "*лахан* (каз. из р. яз.) лоханка, умывальный таз" (стлб. 731), "*ланпа* (каз., из р. яз.) лампа" (стлб. 733), "*лапас* (каз., из р. яз.) лабаз, подвал, каретник, крытый загон для скота" (стлб. 738), "*лом* (крм., из р. яз.) лом" (стлб. 755), "*lin* (шор., из р. яз.) лен (немятый)" (стлб. 757), "*liкар* (каз., из р. яз.) лекарь, врач" (стлб. 759).

предположительно: [ЛБ I: 275], *булгачить* – [ЛБ I: 290], *буран*, *буранить* – [ЛБ I: 274]; *жупан* – [ЛБ I: 452], *таракан* – [ЛБ I: 721] и диалектные (*балдбан* ‘верзила, олух’, *балабан* ‘пустомеля’, *балабанить* – [ЛБ I: 236]; *балдак* ‘большой стакан’, *балданчик*, *бладашка* – [ЛБ I: 252]; *базанить* ‘кричать’, *базун* – ‘крикун’, *базланить*, *базлать* ‘громко кричать, плакать’ – [ЛБ I: 280]; *чушка* – [ЛБ I: 491]), а также принадлежащие к различным социальным жаргонам (см. *биндюх*, *биндюк* ‘ропуски ломовых извозчиков’ – [ЛБ I: 271]; астрах. *бабай* ‘самый большой якорь’, *бабайка* ‘большое весло’ – [ЛБ I: 217]; *баткак* в товароведении ‘самый нижний, грязный устой вытопленного тюленьего жира, перелитого в бочки’ – [ЛБ I: 218]; *бакча*, *бакиша* ‘фунт (чая)’ – [ЛБ I: 285]; *магарыч* ‘то, что дается на водку после какой-нибудь сделки’ – [ЛБ II: 249]).

Сопоставление перечисленных выше словарных статей из Словаря Будагова и соответствующих статей в Далевом словаре показало, что некоторые из названных ориентализмов и тюркизмов В.И. Даль привел без надлежащей пометы (тат. или вост.). Это нижеследующие слова: *барабан* [Д I: 46], *базланить*, *базлать* и др. [Д I: 37], *бин(ь)дюх* [Д I: 87], *булга*, *булгачить* [Д I: 141], *жупан* [Д I: 547], *магарыч*, *могарыч* [Д II: 288], а также *чушка* [Д IV: 617], которое к тому же рассматривается в лексическом гнезде *чухна*. Остальные слова из приведенного перечня имеют у Даля пометы либо вост. либо территориальную; некоторые из таких слов отличаются более широким кругом значений. Например: “*баткак* волж. астрх. грязь, болото, жидкий ил; подонки, выварки, вытопки, вышкварки, грязный осадок при топке сала; горелая табачная грязь в трубке” [Д I: 54].

Даль приводит без пометы “*ажлибать* что ол. елозить, есть, хлебать. *Ажлибанье* еда ложкою, хлебанье” [Д I: 7]. Будагов же делает попытку этимологизации этих диалектных слов: “от слова *аž* происходят русские слова, употребляемые в Орл. и Олон. *ажлабанье*, *ажлибать*, вероятно, от формы тат. *ašlab*...” [ЛБ I: 49]. Нередки также случаи, когда Даль помечает ориентализм в русском, обращая внимание и на переосмысление его в отдельных говорах, а Будагов как заимствование в русском слово не фиксирует. Ср., например: “*коуз*, *хоуз* татр. кауз, хауз, водоем; мельничный ларь || Ярс.-рост. закутка, сторожка у ворот околицы” [Д II: 180]; см. еще в статье *Мельница* [Д II: 317] *Погонный ларь*, коуз, откуда вода течет на колесо; а также [Д IV: 543] и [Д I: 220], где при объяснении слова *водоем* в числе других синонимов используется ориентализм *хауз*, и “ар. *haws* (простон. *hawiz*) бассейн. н. водопрводный канал, каз. садок для рыб” [ЛБ I: 522]; “*кудук* колодезь без сруба, копанец, копань, степной колодезь; употр. по всей азиатской границе нашей, в Крыму и пр.” [Д II: 212] и “дж. тат. *qodiq*, *quduq* колодец, родник...” [ЛБ II: 42], без указания на русское заимствование.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что в словарях Даля и Будагова представлены первые словарные описания тюркизмов и ориентализмов в живом разговорном русском языке и его диалектах; то же можно сказать о русизмах в тюркских языках по Словарю Будагова.

Фрагментарное сопоставление тюркизмов (ориентализмов) в словарях Даля и Будагова позволяет поставить вопрос о формировании и развитии лексикографической традиции их описания. Сравнивать их подачу в том и другом словарях важно уже и потому, что Словарь Будагова для изучения этой группы лексики если и используется, то обычно далеко не систематически. При конкордирующей же работе с тюркизмами в обоих словарях можно получить ряд уточнений по этимологизации того или иного слова.

Н.К. Дмитриев, особо отмечая фиксацию Л.З. Будаговым как восточных слов, вошедших в русский язык, так и русизмов в тюркских языках, подчеркнул важность этого для исследования проблемы “Связь русской и тюркских культур” [Дмитриев: 4].

В. Преемственность и близость рассматриваемых здесь словарей можно показать и на нетривиальном интересе их составителей к способам народно-речевого выражения понятий времени и пространства в соответствующих языках. В этих способах особенно ярко проявляется своеобразие как русского, так и тюркских языков, различия в психологии языкового выражения, с одной стороны, а с другой – сказываются различия в области внеязыковых связей слова в том и других языках, что обусловлено экстралингвистическими факторами, в том числе хозяйственным укладом народа, природными условиями, в которых живет народ (о внеязыковых связях слов на русском материале см. [Богатова 1981], на тюркском [Благова 2000: 83–90]).

В русском народном языке для определения времени в изобиловавшей лесами России использовались названия леса, деревьев. См. определение времени суток: [Д II: 73]: *Солнце за лес* – казакская радость (на грабеж); определение времени сельскохозяйственных работ [Д I: 498]: Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес (тул.). Внимательный читатель и почитатель Далева словаря И.А. Подюков отметил в пермских говорах следующие выражения, связанные с названиями дерева (*ель*) и его частей: "*Солнце на ели* – вечер (из старого обозначения времени указанием на положение светила относительно линии горизонта – ср. *солнце на веточках* – близко к закату, *солнце в комелях катается* и пр.)", см. поговорку *Солнце на ели, а мы еще и не ели* [Подюков 1994: 73, 68]. См. также *Солнце на три дуба поднялось* (И.А. Бунин. Натали). Далем зафиксирован и другой ориентир в движении солнца – *изба*, см. [Д IV: 265] *Солнце с избы своротило* (т.е. с лица избы, *перешло за полдень*, угол божницы на юго-восток).

На севере России архангельские мореходы исчисляли время по морским приливам ('прибыль') и отливам ('убыль'), см. [Д I: 218] *Вода...* арх. время от самой малой до самой полной воды, между приливом и отливом, около 6 часов. ...*Стоять целую воду*, выждать прибыль или убыль. Иные считают *воду* в 12 часов, между двумя полными приливами или отливами; тогда в сутках *две воды*, иначе их *четыре*.

В новгородских, вологодских, пермских говорах многозначное слово *выть* (одно из его значений [Д I: 322] 'пора или час еды', 'завтрак или перекусок', 'полдник', 'обед, паобед', 'ужин, паужин') используется для выражения рабочего времени от еды до еды, см. [Д I: 322]: "У крестьян в рабочую пору 3, 4 или 5 вытей, но если *вытью* называют рабочее время от еды до еды, то делят день на 3–4 выти. В *три выти дрова свозил*, нов-бор. 'в один рабочий день'".

Для обозначения времени изредка привлекались и наблюдения крестьянина-животновода: в этих целях задействовано название такого домашнего животного, которое "противопоказано" народам, исповедующим ислам, как свинья. См. [Д IV: 150] *В свины полдни* 'поздно' и приводится объяснение: "запоздно, ...оттого, что свиньи, пускаемые без пастуха, бегут с поля поздно, нередко уже ночью, с хрюканьем и ревом, и подымают хрюканье до свету".

В тюркских языках народные способы выражения времени в основном обусловлены скотоводческим укладом хозяйства и жизни кочевников¹⁸. Так, если месяцы называются или арабскими наименованиями или зодиакальными знаками, то "среди простого народа известные периоды года обозначаются приблизительно, к тому времени, событиями степного быта"; так, у казахов (ЛБ: киргизов) овцы ягнятся – начало апреля; кобыл доят для кумыса – конец апреля и май; стрижка ягнят – около 15 и 20 июля; режут скот на зимний запас – в начале декабря (по старому стилю) и т.п. [ЛБ I: 172]. См. также кирг. *at qara til bolyondo* "когда наступило лето (букв. когда язык у лошади стал черным)" [Юдахин 1965: 77]. С уходом за лошадей связан и другой способ определения времени: "кир. *žiqu, žiqu*

¹⁸ В туркменском фольклорном языке Н.К. Дмитриев отмечал даже «обычай считать грузы по верблюдам (например, "два верблюда золота")» [Дмитриев 1954: 23].

сон (= *juqi, ujqı*), *tunniŋ bir žuqısu* один сон ночи (киргизы ночное время определяют сном, повторяемым три раза, например: когда оставляют лошадь на привязи и, ложась спать, думают проснуться через 1 1/2 часа или 2 часа, чтобы отпустить ее на корм, то говорят *tunniŋ bir žuqısu*, если нужно встать через 3–4 часа, то говорится *tunniŋ iki žuqısu* два сна ночи...) [ЛБ I: 445–446]. О счете жизни лошади по *асый*-ам см. [Юдахин 1965: 76].

Время у тюрков исчислялось по количеству перекочевок: дж. *ara qon-* "провести день и ночь, иметь две стоянки, два перехода (т.е. через сутки)", *arada üč qon-* "через три перехода" при тур., тат. *qon-* 'останавливаться на ночевку' [ЛБ II: 96]; кирг. *üč qonıır* "три раза переночевав (т.е. на 4-й день)" и *beş qonolıondo* "на 6-й день (пять раз переночевав в пути)" [Юдахин 1965: 401]. У киргизов до сих пор время может быть определено по тому, когда сварится еда кочевника (чаще – мясо): *aradan et buşymdaj mezgıl ötröj...* "не прошло и 2–3 часов, как..." (букв.: не прошло и времени, нужного для того, чтобы сварилось мясо), *žarma buşım* "время (около одного часа), нужное для того, чтобы сварилась жарма" (т.е. похлебка из толченого ячменя или пшеницы) [Юдахин 1965: 174].

Ко времени освоения тюрками земледелия и бахчеводства относятся следующие выражения: *burçaq çaçar küni* "день посева гороха (Егорьев день, 3-го апреля по стар. стилю)" [ЛБ I: 275], *qawun (tut) ruşuı* "время поспевания дынь (шелковицы)" [ЛБ I: 259].

Высота подъема солнца у тюрков определялась при помощи оружия, у казахов, например, измеряется до сих пор посредством копыя (пики) – монголизма *najza*, для чего используется словосочетание *najza boju* букв. 'рост копыя'. Такой же способ измерения был представлен на рубеже XV–XVI вв. в "Бабур-наме": *aftab hir najza boju çuqub edi* "Солнце поднялось на длину одного копыя" (подробнее см. [Благова 2000: 83]).

В старом быту тюрков-мусульман по уставным обязательным молитвам (5 раз в день) часто определялось время суток, см. об этом [ЛБ I: 292; Юдахин 1965: 551]. В Словаре Даля подобного способа выражения времени найти не удалось. Между тем, в старом русском быту существовал сходный народный способ окказионального замера времени при помощи чтения молитвы: по словам Н.Д. Насиловой, троекратного чтения "Отче наш" достаточно, чтобы сварить яйцо всмятку.

Народные способы выражения меры пространства в русском и тюркских языках имеют несколько больше типологических сближений, чем рассмотренные выше способы передачи времени. Во-первых, это измерение расстояния применительно к дальности стрельбы. См. [Д IV: 345]: *стрéльбище*, в старин. знач. расстояние полета стрелы; *стрéлище* сев. то же, мера, на какую ружье бьет, пуля, дробь, ядро хватает, и [ЛБ I: 10]: *oq atutu* "расстояние на выстрел стрелы". Во-вторых, в этих целях так или иначе привлекается распространенный прежде (а у тюрков зачастую и по сей день) способ передвижения на большие расстояния – езда на лошади. См. [Д II: 165]: *кормéж, кормéжка...* упряжка, перегон: *Я доехал в три кормежки*, трижды кормил лошадей; [Д III: 531]: *пряжка...*, *пряга* ярс. упряжка, переезд на одних конях, не кормя, перегон. *В две пряжки доедем*. Ср. кирг. *ara qončuluq žer* "расстояние, которое может покрыть всадник шагом за срок, немногим более одного дня (когда в пути необходимо один раз переночевать – *qon-*)", *eki ara qončuluq žer* "расстояние 2-х дневного пути (когда в пути необходимо 2 раза переночевать)" и т.п. [Юдахин, 1965: 403]; *qonolyo* "расстояние, которое может проехать верховой, раз переночевав" [Там же, 1965: 401]. С корпусом лошади связан в киргизском еще один способ меры малого пространства, см. *at keser* "по грудь коню" (снег, вода, трава и т.п.): *at keserden qar boldı* фольк. "выпал снег по грудь коню" [Юдахин 1965: 77].

У архангельских мореходов "вода ...время от самой малой до самой полной воды,

между приливом и отливом, около 6 часов" обозначало также "переплываемое в этот срок расстояние, около 30 верст" [Д I: 218].

В Словаре Даля приводится тюркизм (квк.) *агач* кавказская путевая мера, час; *неишй агач* четыре версты; *конный* семь [Д I: 4]. См. [ЛБ I: 61] каз. *ауащ* 1) дерево, палка; "2) тур. ад. мера пространства от 6 до 7 верст. По дж. сл. <чагатайскому словарю> *жуащ* пространство, на котором два человека в крайне дальнем расстоянии друг от друга, могут слышать крик третьего, стоящего посредине, взятое втрое".

Видимо, к числу более поздних способов выражения меры пространства, относимых к поре земледелия у тюрков, принадлежит своеобразное использование в этих целях слов *kün* "день": "В кр.<ымском> наречий *kün* значит также *выпашка одного дня* (в Крыму дневною пропашкой определяется и количество пахотной земли и ее цена, *он kün* – десятидневная выпашка, *igirmi kün* – двадцатидневная и пр.)" [ЛБ II: 165].

Более детальное ознакомление со словарями В.И. Даля и Л.З. Будагова позволит глубже осветить специфичность лексики того и другого словаря, различия в психологии языкового выражения таких категорий, как время и пространство.

*

Все вышесказанное позволяет заключить, что отечественная лексикография развивалась при известном взаимодействии (в том числе – взаимодополнении и взаимокоррекции) русистской и востоковедной своих отраслей.

Всегда особенно интересовавшая русских востоковедов проблема тюркизмов и шире – ориентализмов – в Далевом словаре решается новаторски благодаря привлечению огромного диалектного материала, показаний живой народной речи на территориях России со смешанным населением (Поволжье, Астраханский край, Приуралье, Оренбуржье и др.). Проблему эту следует рассматривать как одну из составляющих проблемного блока "В.И. Даль и Восток", который требует широкого комплексного подхода к себе при учете материала бытоописательных произведений ученого и писателя из жизни народов Приуралья и Казахских степей.

Давая первое словарное описание ориентализмов, этой своеобразной части лексики живого народного языка, диалектов, В.И. Даль тем самым заложил в отечественной лексикографии историко-культурологическую традицию их изучения, которая в тюркской лексикографии России пустила настолько глубокие корни, что оказалась жива и в наше время.

Богатейшие традиции отечественной лексикографии в этой области не должны быть преданы забвению, ибо в сложившейся современной ситуации эти традиции имеют особое значение для осмысления истории как культуры многонациональной России, так и культур любого из тюркских народов СНГ, для изучения давних связей русской народной культуры с культурами тюркских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабкин А.М. 1955 – Толковый словарь В.И. Даля // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955.
- Баранов Х.Б. 1957 – Арабско-русский словарь / Сост. Х.Б. Баранов. М., 1957.
- Белинский В.Г. VI – Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1953.
- Белинский В.Г. X – Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1956.
- Березин И.Н. 1850 – Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга // ЖМНП. 1850. Ч. 68. № 12.
- Бессараб М. 1968 – Владимир Даль. М., 1968.
- Благова Г.Ф. 1985 – Лазарь Будагов – лексикограф-энциклопедист // Сов. тюркология. 1985. № 6.
- Благова Г.Ф. 1986 – Словари Л. Будагова и Паве де Куртейля как источники этимологического словаря // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986.

- Благова Г.Ф. 1988 – Л.З. Будагов и тюркская историческая лексикология (К постановке проблемы) // Теория и практика этимологических исследований. Материалы к ЭСТЯ. М., 1988.
- Благова Г.Ф. 2000 – Время и пространство: народные способы выражения в тюркских языках // РО. Т. LIII. Z. 2 (1999). 2000.
- Богатова Г.А. 1981 – Эволюция внеязыковых связей слова и историческая лексикография // ВЯ. 1981. № 6.
- Боровков А.К. 1960 – Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка // Лексикографический сборник. Вып. IV. М., 1960.
- Виноградов В.В. 1941 – Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.; Л., 1941.
- Герцен А.И. 1952 – А.И. Герцен об искусстве. М., 1952.
- Гоголь Н.В. – Письма Н.В. Гоголя. [В 4-х т.] Ред. В.И. Шенрока. Т. III. СПб., 1901.
- Григорovich Д.В. 1928 – Литературные воспоминания. Л., 1928.
- Грот Я.К. 1873 – Воспоминание о В.И. Дале // Зап. Имп. Акад. наук. Т. XXII, СПб., 1873.
- Д I–IV – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Даль 1990 – Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка / Публикация и комментарий А.Л. Топоркова // ВЯ. 1990. № 1.
- Дмитриев Н.К. 1954 – Туркменская народная сказка // Туркменские народные сказки Марыйского района / Текст записал и перевел Н.Ф. Лебедев. Вводные статьи и примечания Н.К. Дмитриева. М.; Л., 1954.
- Евстратов Н. 1957 – В.И. Даль и Западный Казахстан // Уч. зап. [Уральск. пед. ин-та им. А.С. Пушкина]. Т. IV. Вып. 12. Уральск, 1957.
- Канкава М.В. 1958 – В.И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
- Кононов А.Н. 1989 – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-ое изд. / Перераб., подгот. А.Н. Кононов. М., 1989.
- Кубанова Л.А. 1967 – О тюркизмах русской диалектной лексики. Черкесск, 1967.
- Кубанова Л.А. 1968 – Тюркизмы в диалектной лексике русского языка (по "Толковому словарю живого великорусского языка" В.И. Даля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
- Лазаревский В.М. 1894 – Из бумаг В.М. Лазаревского. 1. Биографический очерк. 2. Знакомство с Далем. 3. Переписка с Далем. М., 1894.
- ЛБ – Сравнительный словарь турецко-татарских наречий / Сост. Л. Будагов. Т. I – 1869; Т. II – 1871, СПб.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский) 1903 – Владимир Иванович Даль (Казак Луганский). Критико-биографический очерк. СПб.; М., 1903.
- ОЗ – Отечественные записки. 1847. № 3.
- Повести... 3 – Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. Ч. 3. СПб., 1846.
- Повести... 4 – Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. Ч. 4. СПб., 1846.
- Подюков И.А. 1994 – Сны, приметы, загадки, поговорки / Сост. И.А. Подюков. Пермь, 1994.
- Реформатский А.А. 1982 – Константин Кузьмич Юдахин // Русский язык и литература в киргизской школе. Фрунзе. 1982. № 4.
- РСЛ. II–IV – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II – 1893; Т. III – 1905; Т. IV – 1911. СПб.
- Самойлович А.Н. 1927 – К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов // Восточные записки [Ленинградск. ин-т жив. вост. яз.]. Л., 1927.
- Самойлович А.Н. 1928 – К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. Л., 1928.
- Фетисов М.И. 1950 – Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата, 1950.
- Юдахин К.К. 1965 – Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965.
- Dorn B. 1846 – Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pb., 1846.